

Обсуждаем тему «Знак и значение»

Проблема значения связана со всеми основными эпистемологическими проблемами – от восприятия и эмпирического знания до концептуальных каркасов и теорий истины. Это нетрудно объяснить, если учесть, какую роль в познании играет язык.

В XX в. в логическом позитивизме в основу теории значения, как и в основу эпистемологии, был положен принцип верификации. Нацеленная на элиминацию метафизики эта концепция ставила цель показать, что осмысленными и фактуально содержательными являются только те утверждения о мире, которые в принципе эмпирически верифицируемы. Метафизические же суждения значения лишены, они в буквальном смысле слова бессмысленны. Это не всегда очевидно, но когда аналитик вскрывает реальную форму метафизического утверждения, то он обнаруживает его бессмысленность, определяемую тем, что метафизик, говоря словами Витгенштейна, «не придал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях».

Возникал, конечно, вопрос: почему же при наличии такого простого критерия значимости многие люди упорно обсуждали и обсуждают метафизические проблемы? Только ли потому, что они попадают в ловушки языка и разделяют тот предрассудок, что любое слово должно означать нечто реально существующее? Непозитивистскую теорию значения подверг критике У. Куайн, назвав «догмой эмпиризма» требование, чтобы каждое отдельное осмысленное суждение допускало непосредственную эмпирическую верификацию. В реальном познании так не бывает: отдельные суждения тесно связаны друг с другом, они подтверждаются или опровергаются не поодиночке, но в виде связанного целого. Такой эпистемологический холизм взаимосвязан с семантическим холизмом, утверждающим, что слово или суждение приобретает значение лишь в рамках целостной теории. Одновременно Куайн подверг сомнению необходимость сохранения в теории референции понятия «смысл».

Развитие философии естественного языка, философии сознания, психосемантики, постпозитивистской философии науки существенно расширило поле дискуссий вокруг проблемы значения. Это отражено

в помещаемых ниже статьях, в которых показываются различные точки зрения на то, как «слова цепляются за вещи».

Г. Б. ГУТНЕР

Знак — основное понятие семиотики, наблюдаемый предмет, отсылающий к чему-либо другому, недоступному непосредственному наблюдению. Существуют два основных определения знака. Согласно первому, идущему от Ф. де Соссюра, знак есть двойственная сущность, представляющая собой единство означающего и означаемого (или плана выражения и плана содержания). Второе определение поддерживается логико-философской традицией, восходящей к Ч.С. Пирсу. Согласно этому определению, знак есть материальный объект, репрезентирующий в человеческой деятельности другой объект или явление. С этими двумя определениями связаны различные подходы к пониманию природы знака и его места в познании.

Соссюр первоначально подразумевал под означающим последовательность фонем, т.е. доступную восприятию физическую реальность (акустический образ), а под означаемым соответствующий этой реальности ментальный образ или понятие, присутствующее в сознании говорящего. Важной характеристикой знака, постулированной Соссюром, является произвольность связи между означающим и означаемым. Фонетическая структура знака не имеет никакого отношения к выражаемому понятию. Этот постулат связан с идеей системности. В силу произвольности никакие собственные свойства означающего не обуславливают его способность что-либо обозначать. Знак становится знаком только благодаря включенности в систему, и все его знаковые характеристики определяются совокупностью отношений с другими элементами этой системы. Позже Соссюр предложил более абстрактное понимание означающего и означаемого, рассматривая их просто как два аспекта существования единой языковой формы, подобно двум сторонам листа бумаги. Для последующей лингвистической и семиотической традиции важно, что элементом системы является именно знак как целое, а не только план выражения. Именно в рамках системы знаков происходит соединение двух указанных планов и возникает единый знак. Соссюр, развивая понятие знака, имел в виду определенные единицы языка, прежде всего слова. В дальнейшем его определение было распространено и на более широкий класс объектов, как собственно лингвистических, так и иных. Л. Ельмслев рассматривал в качестве знаков высказывание и дискурс (т.е. связную последовательность высказываний).

Во второй половине XX в. понятие знака было использовано для описания различных культурных и социальных феноменов. Выработалась определенная методология, суть которой состояла в переносе лингвистических категорий на различные области человеческой жизни. Такое использование метафоры языка характерно прежде всего для исследователей, придерживающихся структуралистского подхода. В их описании культура или социум рассматриваются как системы,

функционирование которых можно свести к процедурам семиозиса, т.е. продуцирования последовательностей знаков путем соединения плана выражения с планом содержания. Пионером этого направления можно считать, по-видимому, К. Леви-Строса, который, изучая жизнь первобытных сообществ, описал разнообразные составляющие этой жизни (ритуалы, мифы, маски, правила заключения браков, отношения родства и т.д.) как элементы единой системы, выступающие в ней в качестве знаков или сообщений. Подобный подход был реализован Р. Бартом при рассмотрении современного общества, в котором в единую семиотическую систему включены, например, мода, журнальные публикации, еда, структуры города. Подобные идеи были реализованы в самых разных сферах исследования. Ю.М. Лотман описывал в терминах знаковых систем русскую культуру начала XIX в., Ж. Лакан пытался установить аналогию между функционированием языка и психической деятельностью человека. Общей чертой всех этих исследований является редукция различных областей человеческой жизни к бессознательно функционирующим означающим системам. Продуцирование знаков в этих системах оказывается жестко схематизированной процедурой, происходящей без участия какого-либо субъекта.

Второе определение знака, как правило, востребовано в совершенно иных философских и семиотических теориях. Знак, рассмотренный как объект, репрезентирующий нечто другое в определенных человеческих действиях (например, в познании), оказывается связан не столько с системой знаков, сколько с характером деятельности. Поскольку (согласно Пирсу) знак есть прежде всего средство коммуникации, то знаковые функции того или иного объекта зависят от характера его использования в сообществе. Продуцирование и интерпретация знаков связаны, таким образом, не с бессознательно функционирующей знаковой системой, а с деятельностью входящих в сообщество субъектов.

Пирс разработал классификацию знаков, которая используется и в настоящее время. Согласно этой классификации существует три типа знаков: индексы, иконы и символы. Индекс указывает на объект или явление в силу причинно-следственной связи между знаком и обозначаемым. Например, стук капель по крыше есть знак идущего на улице дождя, свет в окне – знак того, что в доме кто-то есть, и т.д. Икона (*icon* (англ.) – изображение) – это знак, который указывает на объект в силу структурного или качественного сходства. Так, карта является иконическим знаком местности, портрет – знаком изображенного на нем человека, математическая модель – знаком моделируемого явления. Наконец, символами называют те знаки, связь которых с обозначаемым произвольна и устанавливается в силу определенной конвенции. Таковыми традиционно считают языковые знаки. Помимо знаков естественного языка, символами являются обозначения чисел в той или иной системе счисления, знаки арифметических операций, сигналы светофора и т.д. По поводу символического характера знаков естественного языка необходимы определенные оговорки. Существуют стилистические приемы, позволяющие достигать особой выразитель-

ности или точности речи посредством имитации описываемых предметов. В таком случае языковой знак оказывается иконическим. Например, по Р. Якобсону, иконическим знаком является известная фраза «Пришел, увидел, победил», поскольку порядок слов в ней повторяет последовательность событий. В этом смысле интересна концепция языка, развитая Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», согласно которой предложение языка выражает определенную реальность в силу совпадения структуры предложения и структуры описываемой ситуации. Характерно, что Витгенштейн использует для описания смысла предложения термин «das Bild», близкий по значению к английскому «icon».

В отличие от символов, иконические и индексальные знаки способны выполнять свою знаковую функцию благодаря своим собственным свойствам. Поэтому они могут быть понятны людям, принадлежащим к разным сообществам и придерживающимся разных языковых конвенций. Сказанное, впрочем, не означает, что они могут быть знаками сами по себе, т.е. только благодаря своим свойствам. Знаками они становятся только тогда, когда есть субъект, способный интерпретировать их соответствующим образом. Подобная интерпретация возможна лишь при наличии у субъекта определенных знаний и осуществима в конечном счете при условии его принадлежности к некоторому коммуникативному сообществу.

А. Л. НИКИФОРОВ

Значение – содержание, связываемое с тем или иным языковым выражением. Проблема значения языковых выражений исследуется лингвистикой, семиотикой и логической семантикой. В последней наибольшим признанием пользуется концепция значения, предложенная немецким логиком и математиком Г. Фреге в конце XIX в. Дальнейшую разработку эта концепция получила в трудах Б. Рассела, Р. Карнапа, К.И. Льюиса, У. Куайна и др.

В концепции Фреге все языковые выражения рассматриваются как имена, т.е. как обозначения некоторых внеязыковых объектов. Объект, обозначаемый языковым выражением, называется денотатом этого выражения (от лат. *denoto* – обозначаю). Например, собственное имя «Рембрандт» обозначает голландского художника Рембрандта, а сам этот художник является денотатом имени «Рембрандт». Точно так же и имя «автор «Евгения Онегина»» обозначает русского писателя, который является денотатом этого имени и имени «Александр Пушкин».

Когда речь идет об именах собственных или эквивалентных им выражениях, то здесь дело обстоит просто: денотатом собственного имени является конкретный предмет. Гораздо сложнее указать денотат универсалий, или общих имен: что является денотатом таких имен, как «человек», «красный», «добродетель» и т.п.? Чаще всего под денотатом общего имени понимают некоторый класс объектов, обладающих указанным в имени свойством: класс всех людей, класс крас-

ных предметов, класс добродетельных людей. Иногда под денотатом общих имен понимают само указанное свойство: свойство «быть человеком», «быть красным» и т.п. Во всяком случае, вопрос о денотатах языковых выражений все еще весьма далек от решения. Возможно, это свидетельствует о том, что теория именования не вполне адекватна для анализа значений языковых выражений.

Денотатами собственных и общих имен, используемых в повседневном и научном языках, далеко не всегда являются реально существующие предметы и совокупности таких предметов. Часто в качестве денотатов выступают идеализированные, абстрактные объекты: объекты арифметики или геометрии, литературные герои, например Гамлет или Наташа Ростова, вымышленные, фантастические существа, скажем, кентавры или хоббиты, и т.п. Использование выражений, денотаты которых не существуют в реальности, способно приводить к ошибкам и противоречиям. Например, выражение «нынешний король Франции», по-видимому, обозначает некоторого человека, относительно которого можно высказать то или иное утверждение, например: «Нынешний король Франции лыс». Если мы захотим установить, истинно или ложно это утверждение, мы можем перебрать всех ныне живущих лысых французов с целью обнаружить среди них короля. Ясно, что короля мы среди них не найдем и будем вынуждены заключить, что наше утверждение ложно. Следовательно, должно быть истинно противоположное утверждение: «Нынешний король Франции не лыс». Но, перебрав всех нелысых французов, мы и среди них не обнаружим короля Франции. Поэтому мы будем вынуждены заключить, что два противоречащих друг другу утверждения одновременно ложны, что противоречит закону исключенного третьего. Чтобы избежать подобных ошибок, следует ясно отдавать себе отчет в том, какого рода существованием обладает денотат используемого нами языкового выражения.

Иногда денотат отождествляют со значением. Однако такое отождествление далеко не всегда правомерно, ибо денотат представляет собой лишь одну сторону значения языковых выражений, помимо денотата в значение входит что-то еще. В этом легко убедиться, рассмотрев два выражения с одинаковыми денотатами, скажем, «Александр Пушкин» и «автор романа "Евгений Онегин"» или «человек» и «животное, имеющее мягкую мочку уха». Эти выражения имеют один и тот же денотат – единичный объект в первом случае и один и тот же класс объектов во втором случае. Однако эти выражения не тождественны, их далеко не всегда можно заменять одно на другое. Например, вполне осмысленно задать вопрос: «Был ли Александр Пушкин автором "Евгения Онегина"?» или «Является ли человек животным, имеющим мягкую мочку уха?», но вопросы «Был ли Александр Пушкин Александром Пушкиным?» или «Является ли человек человеком?» кажутся бессмысленными. Следовательно, эти пары языковых выражений чем-то отличаются несмотря на тождество их денотатов. Они отличаются своим смыслом.

Под смыслом языкового выражения имеют в виду его содержание – то, что усваивается при понимании языкового выражения, бла-

годаря чему мы узнаем о его денотате. Выражение «Александр Пушкин» говорит об объекте, носившем имя «Александр» и фамилию «Пушкин»; выражение «автор романа "Евгений Онегин"» говорит об объекте, написавшем некое литературное произведение. Содержание этих выражений различно, хотя оба они являются именами одного человека. Языковое выражение обозначает свой денотат и выражает свой смысл. Разные выражения могут иметь один и тот же денотат, но различаться по смыслу. Выражение может иметь смысл, но не иметь денотата, например, «русалка», «человек, не умеющий дышать» и т.п. Денотат и смысл – две стороны значения языковых выражений.

Эта концепция значения применима и к предложениям. Предложение можно рассматривать как имя некоторого истинностного значения – истины или лжи. Истина является денотатом истинного предложения, ложь – денотатом ложного предложения. Смыслом предложения является выражаемая им мысль, суждение. В формальных логических системах, в которых отвлекаются от смысла предложений, истинные предложения оказываются взаимозаменяемыми, и точно так же взаимозаменяемы ложные предложения.

В. Ф. ПЕТРЕНКО

Значение – это идеальные конструкции, в которых представлены формы обобщений совокупного общественного опыта. Под значением понимается содержание знака, символа, изображения, выразительного движения, ритуального поведения и т.д. в его инвариантном для различных индивидов данной культуры социально-нормированном смысле. В лингвистике, логической семантике значение рассматривается как внутренняя форма знака – единица плана содержания, в отличие от его внешней формы – плана выражения, имеющего свою структуру и свои единицы членения – фонемы, морфемы, лексемы, слова, предложения. Значению знака противопоставляется его предметная отнесенность – множество материальных и идеальных предметов, обозначенных этим знаком. Отношение знака к его значению и предметной отнесенности представлено в образе семиотического треугольника Огдена-Ричардса и закреплено в оппозициях: имя–смысл–значение у Г. Фреге; знак–интенционал–экстенционал у Р. Карнапа; знак–десигнат–денотат у У. Куайна, содержание и объем понятия в традиционной логике. Терминологические различия связаны с различием в понимании предметной отнесенности. Определение последней, легко задаваемое для конкретных понятий, затруднительно для абстрактных понятий и понятий, связанных с вымышленными реалиями (например, сказочными или религиозными понятиями). Последние раскрываются только во всей полноте системных связей и опосредований общественного сознания. Лингвистика и семиотика, исследуя знаковые системы, в силу своей специфики отвлекаются от субъекта речевой или познавательной деятельности, только по отношению к которому знак и обладает

значением (хотя, конечно, «субъект» имплицитно присутствует при анализе в лице самого исследователя).

Значение как идеальное образование существует только в процессе реальной речевой или познавательной деятельности и выступает как единица общественного сознания, когда субъектом деятельности является общество как гносеологический субъект, или как единица индивидуального сознания в процессах категоризации отдельного индивида. Как единица общественного сознания, значение – удобная абстракция, подразумевающая потенциальную возможность актуализации всей полноты содержания знака, принятой в данной культуре. Можно говорить и об объективной заданности значений как феноменов общественного сознания, поскольку возможность их актуализации гарантирована множеством научных и художественных текстов, продуктов культуры, являющихся их носителями. В значении кристаллизован совокупный общественный опыт, полученный в ходе социальной практики, поэтому значение выступает «превращенной формой деятельности», вбирающей в себя знания, нормы и правила, формирующиеся в ходе этой деятельности (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев).

Значения в качестве единиц общественного сознания, а также единиц индивидуального сознания развиваются в ходе филогенеза и онтогенеза. Выделены генетически более ранние формы значения, предшествующие его наиболее развитой форме – понятию. Это синкреты – формы значения, в которых обобщение осуществляется на основе сходства эмоционального тона объектов; комплексы, для которых основанием классификации является общность перцептивных или функциональных признаков; «житейские понятия», являющиеся обобщением индивидуального опыта и не входящие в системные связи с другими понятиями. Являясь средством осознания действительности, генетически ранние формы значения могут сами как таковые не осознаваться. Критерием того, что значение является истинным понятием, является его системная взаимосвязь внутри целостной понятийной системы, а в силу этого осознанность (Л.С. Выготский). Понятия теоретического мышления характеризуются тем, что они содержат обобщения по генетическим основаниям, задающим правила построения самого понятия и определяющим развитие всей понятийной системы (В.В. Давыдов).

Формирование индивидуальной системы значений происходит в ходе обучения, «присвоения» субъектом знаний и умений, выработанных человечеством и фиксированных в структурах значений общественного сознания. При этом значения входят во взаимосвязь с образами и чувствами индивида и существуют в индивидуальном сознании в единстве с другими образующими сознания – чувственной тканью и личностным смыслом. Личностный смысл задает пристрастность человеческого сознания, а чувственная ткань выступает образной основой, связующей через органы чувств сознание с миром. При этом значение, личностный смысл, чувственная ткань понимаются не как самостоятельные единицы, а как образующие – предельные абстракции различных аспектов некоторой целостности

индивидуального значения. Значения существуют только в системе отношений значений и раскрываются через нее. Поэтому полноценным значением обладают некоторые целостности — предложение, текст, образ, а не отдельные их элементы. В функциональном плане значение понимается двояко: значение как эталон, выступающий звеном контроля в речемыслительной деятельности, и значение как формируемое содержание предложения, текста при порождении и восприятии речевого высказывания. В последнем случае значение раскрывается как «путь от мысли к слову» (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев). В перцептивной деятельности значение также выступает в двух ипостасях: опосредуя процесс построения образа, оно несет в себе логику предметных норм и позволяет осуществлять контроль в перцептивной деятельности. С другой стороны, значение — это содержание образа в его инвариантном для всех индивидов данной культуры нормативном аспекте. В отечественной психологии подчеркивается ведущая роль языка как носителя общественного опыта, но наряду с фиксацией значения в форме понятия отмечается возможность его существования в форме «умения как обобщенного образа действия», «нормы поведения». Носителями значения могут выступать такие социально нормированные формы поведения, как ритуалы, выразительные движения, танцы, жесты, устойчивые визуальные символы, позволяющие говорить о языке живописи, кино, архитектуры, дизайна и т.п.

Современная трактовка значения базируется на представлении о нем как сложной, многокомпонентной, иерархически организованной системе, состоящей из более дробных, чем значение, единиц, называемых семами, семантическими признаками, «семантическими множителями», «атомами смысла» (Ю.Д. Апресян, И. Гак, И. Мельчук и др). Значения раскрываются только в системе значений, и семантические компоненты являются не морфологическими, а функциональными образованиями, зависящими от содержания системы, в которую входит анализируемое значение. Семантические компоненты раскрываются как свернутые отношения значения с другими значениями внутри некоторой системы. Методы анализа, позволяющие выделить его семантические компоненты, связаны с установлением, раскрытием семантических связей значений и включают ассоциативный эксперимент, где критерием семантической связи значений является сходство ассоциаций; процедуры классификации, где мерой семантической связи пары значений является количество отнесений их к одному классу; процедуры подстановки, где мерой сходства значений является взаимозаменяемость в различных контекстах; методы семантического дифференциала и семантического радикала.

Специфика психологических методов анализа значения связана с тем, что исследования проводятся в ходе речемыслительной, перцептивной деятельности на испытуемых — реальных носителях этих систем значений, причем последние берутся в «режиме употребления», а не в интроспекции. Иными словами, содержание значений раскрывается на основе результатов категоризации, выполненной испытуемыми, а не в ходе их самонаблюдения и интроспекции.

И. Т. КАСАВИН

Значения теории. Понятие значения в аналитической философии языка фактически является аналогом того, что в философии сознания именуется «mind», «consciousness» (англ.), или «Geist» (нем.), т.е. сознанием, духом. С его помощью пытаются схватить ускользающее идеальное содержание человеческого мира, и эта задача оказывается почти невыполнимой в рамках основных установок аналитической философии.

В работах представителей теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрл) и интенционализма (П. Грайс, Дж. Беннет, С. Шиффер) понятие значения рассматривается в контексте своеобразного деятельностного подхода. Так, Остин разработал развитую таксономию речевых актов, чтобы преодолеть «дескриптивистскую ошибку» – отнесение значения только к высказываниям. Он подчеркивал важность анализа деятельности по формулировке высказываний. В интенционализме значение языковых выражений усматривается в намерениях (интенциях) говорящего. Значение – это то, что говорящий подразумевает своим высказыванием или хочет, чтобы другие понимали под ним. Однако интенции не могут быть выражены иначе как в языке, и возникающий вопрос об их собственном значении порождает бесконечный регресс. Во многом именно этим была инициирована критическая дискуссия о значении, когда У. Куайн провозгласил отказ от этого понятия, указывая на отсутствие критериев его определения. В рамках натуралистского подхода он заменяет термин «значение» термином «значение раздражения». Чтобы узнать нечто о значении языкового выражения, нужно понаблюдать, какого рода поведение членов языкового сообщества вызывают сенсорные восприятия соответствующего высказывания. Однако даже этот бихевиористский подход не придает, согласно Куайну, особой адекватности нашему пониманию значения высказываний, из чего следует его известный тезис о неопределенности перевода. Содержащаяся в концепции Куайна большая доза скептицизма побудила других участников дискуссии более ясно сформулировать свои позиции.

Главный вопрос, вокруг которого разворачиваются современные споры, звучит так: какую форму должна иметь теория значения для естественного языка? Согласно схеме П. Грайса¹, теорию значения для некоторого языка следует строить следующими шагами: она должна сформулировать высказывания о поведении членов языкового сообщества; заменить психологическую теорию о пропозициональных установках членов этой группы; учесть субъективные значения высказываний; концептуализировать конвенциональные значения высказываний и, наконец, построить «рекурсивную семантику» данного языка. Рекурсивная семантика – это теория порождающей речи, показывающая, что речь состоит из циклов, включающих такие подзадачи, как добавление, удаление и переупорядочение².

¹ См.: Grice P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, 1989. P. 213.

² См.: Демьянков В.З. *Продуцирование, или порождение речи* // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 129–134.

Основные точки зрения располагаются при этом между двумя полюсами: на одном — референциальная, или менталистская, а на другом — натуралистическая, или экстерналистская, семантика. Большинство авторов отстаивает их объединение в той или иной пропорции. Едва ли не наиболее влиятельны здесь позиции Д. Дэвидсона и М. Даммита. Оба связывают понятие значения с понятиями истины или верификации. Центральным в их теориях являются принципы контекстуальности и композиционности. Первый принцип идет от концепции Г. Фреге и предполагает, что слова получают значение только в рамках предложений, вне которых они никаким независимым значением не обладают. Согласно второму, значение сложных выражений складывается из значений простых выражений и правил построения сложных выражений из простых. Теория значения для естественного языка должна быть «рекурсивной» (Дэвидсон) или «систематической» (Даммит) и показывать, как можно на основе конечного множества выражений и правил конструировать и понимать бесконечное множество высказываний. Аргумент для использования данных принципов основывается для обоих философов на факте реального функционирования языка и того, что носители языка в состоянии использовать и понимать такие высказывания, которые до того никогда не слышали. Соображения Дэвидсона по поводу теории значения вытекают из теории истины А. Тарского и работ Куайна. Он использует так называемую «Т-теорему» (от *truth* (англ.) — истина), имеющую форму «S есть Т, если и только если Р». При этом правая часть теоремы содержит условия истинности, которые являются значением левой части. Так, «Т-теорема» типа «Предложение "снег бел" истинно тогда и только тогда, когда снег действительно бел» понимается Дэвидсоном как эмпирическая гипотеза, которая должна быть проверена. В этом контексте он развивает свою теорию радикальной интерпретации³.

Даммит полагает, что продвинулся значительно дальше Дэвидсона, теорию которого он называет просто «теорией перевода» или «скромной теорией значения», поскольку она говорит нечто о значении высказываний только тем, кто их уже понимает⁴. Успешная теория значения должна быть в состоянии реконструировать знание говорящего, который понимает высказывания. Однако осмысленно говорить о данном знании можно только тогда, когда оно себя проявляет («манифестирует») в употреблении языка. Даммит формулирует «требование манифестации», которое имеет далеко идущие следствия для разрабатываемого им понятия истины. Поскольку о большом количестве предложений мы не можем знать, истинны они или нет, но при этом их понимаем, он ограничивает понимание языковых выражений от условий их истинности и использует вместо них понятия верификации, или оправдания. Его вариант теории значения восходит к Фреге; он выделяет в такой теории четыре компонента: теория референции, теория смысла, теория силы, теория тона или оттенка⁵.

³ См.: Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford, 1984. P. 125–140.

⁴ См.: Dummett M. *The Seas of Language*. Oxford, 1993. P. 101.

⁵ См.: Dummett M. *The Logical Basis of Metaphysics*. Cambridge, 1991. P. 148.

Однако возможность построения общей теории значения для естественных языков остается под вопросом. Ведь языковое понимание связано с дополнительными предпосылками, которые такой теорией не учитываются и потому должны обсуждаться в рамках общего герменевтического исследования.

Сложности, связанные с понятием значения, побуждают многих теоретиков ограничиться дискуссиями о референции языковых выражений, в частности имен. Х. Патнэм⁶, С. Крипке⁷ развивают так называемые «каузальные» теории референции, суть которых в понимании языковых выражений с помощью внешних факторов – природного окружения или языкового сообщества. Новейшие натуралистические теории предлагают ответ на вопрос о значении языковых выражений, или ментальных репрезентаций, на основе естественно-научной картины мира. В подходах Р. Милликена⁸ или Д. Папино⁹ привлекаются, к примеру, эволюционистские гипотезы, на основе которых проблема значения выражений обсуждается с точки зрения биологических «целей» символической деятельности.

Таким образом, значение – это свойство не просто языка, но конкретного текста, да и то не самого по себе, а включенного в процесс *понимания*, в знаковую деятельность, коммуникацию и в отношения с внешним окружением. Тогда текст является в такой же степени условием понимания и существования значения, как и процесс понимания – условием существования текста как такового. Авторы, пишущие о процессе понимания в целом, обычно отличают его (как стихийный, непосредственный и даже бессознательный акт) от интерпретации (как рефлексивно-теоретической процедуры). Одновременно выделяется пять типов понимания в соответствии с его объектами: 1) людьми, 2) действиями, 3) артефактами и функциональными системами, 4) знаковыми системами, 5) правилами и институтами¹⁰. Каждому из них, по-видимому, соответствуют разные научные дисциплины, которые исследуют и практикуют понимание и выделяют смысл и значение особым образом. Казалось бы, понимание текста представляет собой в таком случае лишь один из пяти типов понимания вообще. Однако если мы вспомним, что социально-гуманитарные науки всегда имеют дело с текстом и его пониманием, то картина будет несколько иной. К примеру, лингвисту важно, к каким выводам в состоянии прийти читатель текста, поскольку текст рассматривается как объективная данность, содержащая набор значений (тип 4). Психолог же пытается понять, к каким выводам читатель фактически приходит, какие субъективные состояния сознания у него возникают в связи

⁶ Putnam H. The Meaning of «Meaning» // Putnam H. Mind, Language and Reality. Cambridge, 1975.

⁷ Kripke S. Name und Notwendigkeit. F/M., 1982.

⁸ Millikan R. Language, Thought and Other Biological Categories. Cambridge, 1984.

⁹ Papineau D. Philosophical Naturalism. Cambridge, 1993.

¹⁰ См.: Scholz O.R. Verstehen // Sandkühler H.J. (Hrsg.). Enzyklopädie Philosophie. Hamburg, 1999.

с чтением текста, т.е. как изменяется субъект (тип 1). В отличие от этого, социология фокусируется на понимании того, как в тексте явно или неявно находят выражения социальные правила и институты (тип 5). Экономика, теория деятельности, теория вероятности, теория принятия решений и пр. направлены на понимание человеческой деятельности, в том числе того, как она фиксируется и проявляется в тексте и его производстве (тип 2). И только философ проблематизирует всю систему отношений «читатель – текст – значение – языковая деятельность – контекст».

Понимание текста как предмет эпистемологического анализа включает в таком случае все другие типы понимания. За текстом проглядывает личность и биография автора, стиль и манера письма, культурные реалии эпохи, социальные системы. Именно тогда понимание становится подлинной проблемой, не имеющей однозначного решения и порождающей массу риторических вопросов. Содержит ли текст значение сам по себе? Если нет, то привносится ли оно в текст читателем? Но чего стоит это значение, если оно понятно лишь данному читателю? Или текст наполняется значениями и смыслами благодаря культурному окружению? Но не является ли тогда различие культур и языков непреодолимой преградой для понимания? Стоит ли вообще рассматривать понимание как мыслительную процедуру? Быть может, «понять» значит «уметь станцевать», или «улыбнуться в ответ», или вообще «ужаснуться бездонности смысла»?

Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 06-06-80208.

ЛИТЕРАТУРА К СТАТЬЯМ

Даммит М. Что такое теория значения // Философия, логика, язык. М., 1987; Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959; Крипке С. Семантическое рассмотрение модальной логики // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981; Куайн У.О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982; Куайн У.О. Слово и объект. М., 2000; Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981; Смирнов В.А. Современные семантические исследования модальных и интенциональных логик // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981; Смирнова Е.Д. Основы логической семантики. М., 1990; Смирнова Е.Д. Логика и философия. М., 1996; Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000; Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980; Evans G., McDowell J. (Eds). Truth and Meaning. Oxford, 1976; Gupta A. Truth and Paradox // Journal of Philosophical Logic. 1982. V. 11. № 2; Martin R. (Ed). Recent Essays on Truth and the Liar Paradox. Oxford, 1984; Fodor J.A. Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Cambridge, MA, 1987; Larson R., Segal G. Knowledge of Meaning. Cambridge, MA, 1995.